

СИГНАЛ

Книга 2

ЧИСТИЛИЩЕ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Чистилице

«Автор»

2026

Карадениз М.

Чистилище / М. Карадениз — «Автор», 2026

Москва, Котловка. В собственной квартире найден мёртвым бывший начальник войск радиационной, химической и биологической защиты России. Официальная версия — сердечный приступ. Но полковник Ибрагим Сиссе, бывший сослуживец генерала, уверен: это убийство. Всё, что оставил погибший, — старая фотография, блокнот с пометкой от руки «2118 — чистилище» и голосовое сообщение с последним предупреждением. След ведёт в «Арзамас-80» — заброшенный советский военный полигон, где в конце восьмидесятых разрабатывалось секретное биологическое оружие. Команда «Сигнал» вступает в новую игру. За ними — Гераклит, частный консорциум, превращающий хаос в прибыль. Впереди — стадионы в Казани, Лондоне и Берлине, где готовятся активации, способные унести десятки тысяч жизней. Ставка — человечество. Время — 72 часа. Вирус — лишь начало. Настоящая угроза там, где вы её не ждёте.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Генерал на кухне»	6
ЧАСТЬ I. «СТАРЫЙ ДОЛГ»	11
ГЛАВА 1. «Генеральские похороны»	11
ГЛАВА 2. «Архивная пыль»	18
ГЛАВА 3. «Свидетель из Саратова»	25
ГЛАВА 4. «Ночной визит»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мурат Карадениз

Чистилище

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Генерал на кухне»

Москва, Котловка. Район на юго-западе, где сталинские дома соседствуют с хрущёвками, а тишину дворов нарушает только редкий шум машин с Нахимовского проспекта. Квартал тихий, почти спальный. Те, кто живёт здесь, вышли на пенсию давно, детей вырастили, внуков дождались. Им не нужны ни метро, ни торговые центры, ни ночные клубы. Им нужен только покой.

Дом номер семнадцать по улице Дмитрия Ульянова — пятиэтажка из серого силикатного кирпича, с облупившейся краской на подъездах и ржавыми козырьками над входами. Его построили в 1963 году, и с тех пор капитальный ремонт здесь был только один раз — в девяностых, когда кто-то из жильцов пробил потолок и год судился с ЖЭКом. С тех пор никто ничего не менял. Те же лестничные клетки с запахом кошачьей мочи и старой пыли. Те же почтовые ящики, в которых годами лежат газеты за 2018 год. Те же двери — крашенные зелёной краской, с номерами из выцветших бумажек, приклеенных на скотч.

Второй этаж, квартира двадцать два.

Неприметная дверь, ничем не отличающаяся от соседних. Никаких табличек, никаких указателей. Только старый, ещё советский глазок — потускневший, в каёмке из облупившегося пластика. И маленькая замочная скважина, в которую любой желающий мог бы заглянуть, если бы ему пришло в голову подглядывать за бывшим генерал-полковником войск РХБЗ России. Но никто не заглядывал. Потому что никто не знал, кто живёт за этой дверью. А те, кто знал, не хотели вспоминать.

Внутри — типичная квартира пенсионера. Прихожая с вешалкой, на которой висит старое пальто с генеральскими погонами — последний раз он надевал его на 9 Мая четыре года назад, когда ещё мог пройти по Красной площади в колонне ветеранов. Коридор, стены которого увешаны грамотами, дипломами и благодарственными письмами — Министерство обороны, Академия Генштаба, Войска РХБЗ. Большая комната с книжным шкафом, где собраны тома по военной химии, микробиологии и токсикологии — всё на русском, часть на немецком, потому что Петров служил в Группе советских войск в Германии. Кухня — маленькая, с газовой плитой, холодильником «Минск» 1985 года выпуска и круглым столом, покрытым клеёнкой.

На этом стуле, за этим столом, его и нашли.

Соседка по площадке, Галина Петровна, услышала крик в одиннадцать утра. Она вышла на лестничную клетку, накинув халат поверх ночной рубашки, и увидела Антонину Петрову, жену генерала, которая стояла в дверях своей квартиры и держалась за косяк, как за спасательный круг.

— Тонечка, что случилось? — спросила Галина Петровна.

— Он... он не дышит, — сказала Антонина. — Станислав... он не дышит.

Вдох. Выдох.

Галина Петровна перекрестилась. Потом перешагнула порог и пошла на кухню.

Станислав Петров, 87 лет, генерал-полковник в отставке, бывший начальник войск радиационной, химической и биологической защиты Вооружённых сил России. Ветеран Чернобыля — участвовал в ликвидации последствий аварии в 1986 году, лично выезжал в зону отчуждения, руководил работами по дезактивации техники и территории. Награждён орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, медалью «За боевые заслуги». Человек, чья подпись стояла под документами, которые до сих пор хранятся в архивах с грифом «Совершенно секретно». Человек, который знал, что такое настоящая химиче-

ская война, потому что готовился к ней сорок лет — сначала как солдат, потом как офицер, потом как начальник.

Он сидел на кухонном стуле с прямой спиной. При жизни он всегда сидел прямо — возраст не согнул его, болезни не сломали. Даже когда Артрит скручивал пальцы, даже когда давление подскакивало до двухсот, он держал спину так, будто на его плечах всё ещё были генеральские погоны, а впереди — смотр войск на Красной площади.

Но сейчас прямая спина выглядела неестественно. Мёртвое тело не может сидеть прямо. Оно расслабляется, обмякает, сползает набок. Мышцы теряют тонус, позвоночник перестаёт быть опорой. Если на стуле сидит мёртвый человек, он либо повиснет, либо завалится на сторону. Исключений нет.

Петров не завалился. Он сидел так же прямо, как при жизни. Голова чуть наклонена вперёд, руки на коленях — левая поверх правой. Глаза открыты, устремлены в стену, туда, где висела старая фотография: Чернобыль, 1986 год, молодой Петров в химзащитном костюме, рядом с ним — его сослуживцы, среди которых был совсем молодой Ибрагим Сиссе, тогда ещё капитан из Сенегала, по обмену опытом.

Сейчас Сиссе был полковником. И он летел в Москву, не зная, что его наставник уже мёртв.

Скорая приехала через двадцать минут. Антонина набрала 03, как только поняла, что муж не дышит, — руки тряслись, пальцы промахивались мимо кнопок старого кнопочного телефона. Диспетчер, спокойным голосом, каким говорят о погоде, спросила: «Что случилось?» — «Муж не дышит», — ответила Антонина. — «Сколько ему лет?» — «Восемьдесят семь». — «Сердце?» — «Всю жизнь было здоровое». — «Скорая будет через двадцать минут. Откройте дверь».

Фельдшер, молодой парень с больничной маской на пол-лица, вошёл в квартиру, осмотрел тело, проверил пульс, заглянул в глаза. Покачал головой.

— Смерть наступила примерно час назад, — сказал он. — Отёк лёгких. Или тромб. Точно скажет патологоанатом.

— Он не жаловался на сердце, — повторила Антонина.

— В таком возрасте не жаловаться — это нормально, — ответил фельдшер. — Капитан полиции уже едет. Примет заявление, откроет дело. Формальности.

Капитан полиции приехал через сорок минут. Молодой, в новеньком мундире, с блокнотом и автоматической ручкой. Он записал показания Антонины — «ушла в ванную, вернулась, а он уже сидел с остекленевшими глазами». Осмотрел квартиру — дверь заперта изнутри на задвижку, окно закрыто, форточка тоже. Никаких следов взлома, борьбы, чужого присутствия.

На кухонном столе он заметил аптечку — раскрытую, с выдвинутым ящиком. Внутри — стандартный набор пенсионера: валидол, нитроглицерин, аспирин, парацетамол, корвалол. И два пустых места. Капитан пересчитал упаковки, посмотрел на этикетки.

— Дигоксин пропал, — сказал он. — Сердечный гликозид. При передозировке — остановка сердца.

— Откуда у него дигоксин? — спросила Антонина. — Ему не назначали.

— Может быть, сам купил. Или кто-то дал. Вы не знаете?

Антонина покачала головой.

Капитан записал в блокноте: «Предположительная причина смерти — самоубийство путём передозировки сердечного препарата. Тело направляется на судмедэкспертизу».

Никто не спросил, зачем 87-летнему генералу, который пережил Чернобыль, два военных конфликта и развал страны, убивать себя на кухне, не попрощавшись с женой, не оставив

записки. Никто не обратил внимания на блокнот, лежащий у стены, за батареей — выпал из рук, упал, забылся.

Никто, кроме патологоанатома.

В Москве, в одном из корпусов Бюро судебно-медицинской экспертизы, на холодном металлическом столе лежало тело генерала Петрова. Патологоанатом, седой мужчина лет шестидесяти, работавший в системе Минобороны ещё с советских времён, разрезал грудную клетку, извлёк сердце и замер.

Сердце было чистым. Ни рубцов, ни атеросклеротических бляшек, ни истончённых стенок. Сердце восьмидесятилетнего мужчины, который всю жизнь проработал в войсках РХБЗ, контактировал с химикатами, дважды облучался в Чернобыле, должно было выглядеть иначе — изношенным, больным, почти мёртвым. Но оно было здоровым.

Он взял кровь из сонной артерии, отправил на токсикологический анализ. Результат пришёл через четыре часа — дигоксина нет. Ноль.

Таблетки пропали, но не были приняты.

Патологоанатом написал в заключении: «Смерть наступила от острой сердечной недостаточности на фоне эмоционального стресса. Данных за отравление не получено». Потом поднял ручку, чтобы поставить подпись, и замер. В кабинете было тихо — только холодильники гудели в соседней комнате.

Он вынул из заключения лист с анализом крови. Спрятал в карман халата. Написал новую бумажку — стандартную, без упоминания токсикологии. Подписал. Поставил печать.

Через час он позвонил по номеру, который помнил наизусть ещё с девяностых.

— Ибрагим, — сказал он. — Твой генерал мёртв. Но это не сердце. И не таблетки. Кто-то убил его прежде, чем он успел рассказать, что видел в Арзамасе-80.

— Что он видел? — спросил голос на другом конце провода.

— Не знаю. Но перед смертью он оставил тебе голосовое сообщение. Проверь телефон. Связь оборвалась.

Ибрагим Сиссе, полковник армии Сенегала, человек, который пережил Мали, ЦАР, шесть командировок в горячие точки и одну встречу с людьми Гераклита в Майами, стоял в аэропорту Дакара и смотрел на экран телефона.

Входящий вызов. Станислав Петров. Два дня назад. Пропущенный — Сиссе был на совещании и не услышал.

Он нажал на сообщение.

Голос Петрова — старческий, с одышкой, но узнаваемый. Тот самый командирский голос, который в 1986 году говорил: «Вперёд, я за вами». Теперь этот голос шептал, как заговорщик:

— Ибрагим... это я. Не верь, что я сам. Меня убьют. Скоро. Ищи «Арзамас-80». Там, где мы были в восемьдесят шестом. Не ЧАЭС — другой полигон. Там есть бункер. В бункере — лаборатория. Они работают до сих пор. Только вместо ядерной бомбы — не вирус... 2117 — это не конец. 2118 — это чистилище. Передай тем, кто — ты знаешь кому.

Сообщение оборвалось. Дальше — только шипение, и запись закончилась.

Сиссе убрал телефон. Посмотрел на часы. В Москве было около трёх утра.

Он изменил маршрут — вместо Лиссабона полетел в Москву. Рейс «Аэрофлота» Дакар — Москва, с пересадкой в Касабланке. Двенадцать часов в воздухе. Он не спал. Всё прокручивал в голове слова «Арзамас-80», «бункер», «чистилище».

Он прилетел в Шереметьево в десять утра. Взял такси до Котловки. Дорога заняла час — московские пробки не щадили никого, даже полковников с африканских спецзаданий.

Дом семнадцать. Подъезд второй. Второй этаж. Квартира двадцать два.

На двери висела бумажка — «Опечатано. Следственный комитет. Вход воспрещён». Но Сиссе не спрашивал разрешения — он открыл замок отмычкой, которую носил в кармане куртки со времён службы в Мали. Профессиональная привычка, которая сейчас стала жизненно необходимой.

Внутри пахло лекарствами и смертью. Запах, который Сиссе знал слишком хорошо.

Он прошёл на кухню. Стол пуст. Аптечка закрыта. Ни блокнота, ни ручки, ни бумаги. Полиция изъяла всё, что показалось уликами.

Но Сиссе не был полицейским. Он был полковником разведки. Он знал, что улики не всегда лежат на виду.

Он опустился на колени, заглянул под батарею — старую, чугунную, с отслоившейся краской.

Блокнот лежал там. Маленький, с твёрдой обложкой, исписанный мелким, старческим почерком. Сиссе поднял его, открыл на последней странице, где запись датирована тремя днями до смерти.

«Они хотят, чтобы я молчал. Но в "Арзамасе-80" я видел то, чего не должны видеть живые. 2117 — это не конец. 2118 — это чистилище. Не вирус — комары. Они выпустят их, когда наступит время. Спасайте тех, кто ещё может дышать. Станислав».

Сиссе перечитал дважды. Потом трижды.

Комары.

Не вирус — комары.

Он вспомнил слова Петрова из голосового сообщения — «новый вектор». Вектор — в биологии это организм, который переносит инфекцию от одного хозяина к другому. Комары — идеальные переносчики. Их тысячи, они незаметны, они проникают везде. И они не вызывают подозрений — кто обратит внимание на укус комара в Африке?

Но в Москве? В Казани? В Европе?

Сиссе закрыл блокнот, спрятал во внутренний карман.

Он вышел из квартиры, запер дверь отмычкой — чтобы никто не заметил, что опечатка нарушена. Спустился по лестнице.

На улице его ждала машина — та же, что привезла из аэропорта. Водитель, молодой парень, которого Сиссе нанял через знакомых в Дакаре, не задавал вопросов.

— В гостиницу? — спросил он.

— Нет, — ответил Сиссе. — В Женеву. Билет на ближайший рейс.

— А багаж?

— Всё со мной.

Он сел в машину, достал спутниковый телефон — тот самый, который Кира подарила ему после Майами, сказав «на всякий случай».

Набрал номер.

Один гудок. Два. Три.

— Сиссе? — голос Киры — сонный, но уже напряжённый. Она всегда отвечала после третьего гудка, даже в четыре утра.

— Кира, слушай меня внимательно, — сказал он. — Вторая книга начинается в Москве. Я только что вышел из квартиры Петрова. Генерал мёртв. Его убили, как Родригеса, как Хейза, как ван дер Берга.

— Я знаю, я видела новости, — ответила Кира. — Российская пресса пишет о самоубийстве.

— Пишут ложь. Перед смертью он звонил мне. Оставил сообщение. Я нашёл его блокнот. Он пишет о «Арзамасе-80», о бункере, о лаборатории, которая работает до сих пор. И о комарах.

— Комарах?

— Новый вектор. Не вирус в вентиляции, а живые переносчики. Комары, Киры. Тысячи комаров, заражённых 2118.

— 2118?

— Это не конец, Кира. 2117 был тестом. 2118 — это чистилище. Мы думали, мы остановили Гераклита в Майами, мы ошибались. Они только начали.

Тишина в трубке. Сиссе слышал, как Кира дышит — тяжело, неровно, как перед прыжком в холодную воду.

— Я лечу в Женеву, — сказал он. — Собирай команду. Сэма, Хадижу, Глухаря, Зее. Лёха пусть найдёт частный самолёт. Я нашёл, что Гераклит готовит.

— Что?

— Это хуже, чем Hondius. Хуже, чем Crown of the Seas. Генерал назвал это "чистилищем". И я начинаю понимать почему.

Он отключился.

Машина въехала на трассу, ведущую в Шереметьево. Позади осталась Москва — серая, бесконечная, равнодушная. Впереди — Женева. И неизвестность.

Сиссе посмотрел в окно. За стеклом проплывали новостройки, торговые центры, рекламные щиты — на одном было написано крупными буквами: «Зенит» — «Барселона». Билеты в продаже. Стадион в Казани. 40 000 зрителей.

Через три дня.

— Успеем? — спросил он у пустоты.

Никто не ответил.

Но Сиссе знал: у них нет другого выбора. Гераклит уже запустил механизм. Кто-то заплатил за смерть 40 000 человек, чтобы обвалить рынки и заработать миллиарды. А команда «Сигнал» была единственной, кто мог это остановить.

Он закрыл глаза. Уснуть не получилось — перед глазами стояло лицо Петрова. Живого, каким он помнил его по Чернобылю. С генеральским жезлом в руке и уверенностью в голосе.

«Вперёд, я за вами».

Теперь он был впереди.

ЧАСТЬ I. «СТАРЫЙ ДОЛГ»

ГЛАВА 1. «Генеральские похороны»

Москва, Троекуровское кладбище. 11:47 утра.

Середина мая выдалась на удивление тёплой — такого не помнили старожилы. Воздух прогрелся до двадцати градусов, но небо было серым, низким, будто накрыло город бетонной плитой. Ни солнца, ни дождя — только белесая мгла, которая висела над кладбищем как саван. Деревья только начали распускаться — мелкие липкие листочки покрывали ветви жиденькой зеленью, не давая тени. Ветер гнал по аллеям прошлогоднюю листву, сухую, коричневую, которая шуршала под ногами, как шепот толпы.

Автоматические ворота открывались медленно, со скрежетом, пропуская одну машину за другой. Чёрные правительственные лимузины, «Мерседесы» с тонировкой, несколько автобусов с военными в парадной форме. И одна старая «Волга», которая держалась в конце колонны, будто стеснялась своего возраста и потертого кузова.

За рулём «Волги» сидел полковник Ибрагим Сиссе. Он прилетел в Москву накануне вечером, взял машину напрокат в аэропорту Внуково — единственном, где не потребовали международных прав, довольствуясь удостоверением военного атташе. Старенькая «Волга» пахла бензином и дешёвым освежителем воздуха, подвеска скрипела на каждой кочке, а дворники работали с интервалом, который не поддавался никакой логике. Но она ехала. И это было главное.

Сиссе не хотел привлекать внимание. В Москве его знали — по линии военного сотрудничества Россия—Сенегал, по совместным учениям, по обмену опытом в области химической защиты. Но сейчас он был не официальным лицом, скрепляющим межправительственные соглашения. Сейчас он был человеком, который пришёл проститься с наставником.

И ещё — человеком, который пришёл присмотреться.

Он припарковался в сотне метров от места церемонии — подальше от основного скопления машин, чтобы не засвечивать номер, который был взят на подставную фирму через Лёху. Вышел, поправил галстук — тёмно-синий, строгий, без рисунка. Надел тёмные очки, хотя солнца не было. Очки скрывали направление взгляда. Профессиональная привычка.

Троекуровское кладбище было одним из самых престижных в Москве — здесь хоронили военачальников, героев России, крупных чиновников. За каждым памятником стояла целая жизнь, иногда — целая эпоха. Сосны и берёзы росли вперемежку с мраморными стелами и гранитными надгробиями. Дорожки были выложены плиткой, за которой тщательно ухаживали — ни соринки, ни опавшего листа.

Место для генерала Петрова выбрали на центральной аллее — неподалёку от могилы другого известного военачальника, чьё имя Сиссе не стал запоминать. Здесь было тихо. Даже ветер, казалось, затих, уважая торжественность момента.

Сиссе подошёл к ограждению, за которым уже собрались первые скорбящие.

Официальная церемония началась в полдень. Гроб — открытый, как того требовал воинский устав — стоял на постаменте, задрапированном чёрной тканью с красной каймой. В изголовье — подушка с наградами. Ордена Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР», медали «За боевые заслуги», «Ветеран Вооружённых Сил», знак «Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Петров лежал в гробу в генеральском мундире — при всех регалиях, при погонах, с кортиком на поясе. Его лицо выглядело восковым, неживым, но черты сохранили ту самую прямоту, которую Сиссе помнил много лет. Прямой нос, волевой подбородок, губы, сжатые так, будто генерал до последнего хотел что-то сказать, но не успел.

Рядом с гробом — жена, Антонина Петрова. 85 лет, маленькая, сторбленная, в чёрном платке. Она не плакала. Она сидела на стуле, который поставили для неё сотрудники ритуальной службы, и смотрела на мужа. Иногда она подносила платок к глазам, но слёз не было. У неё кончились слёзы ещё до похорон — в ту самую минуту, когда она нашла его на кухне, с открытыми глазами и прямой спиной. Теперь осталась только пустота. И тишина, которую никто не мог заполнить.

За гробом — почётный караул. Четверо военных в парадной форме, с карабинами наперевес. Их лица были одинаково каменными — ни эмоций, ни усталости, ни даже обычного для таких мероприятий интереса. Они стояли как статуи. Такими их научили быть.

Сиссе стал в третьем ряду, за спинами высокопоставленных военных — генералов, полковников, нескольких гражданских в дорогих костюмах. Он ни с кем не заговаривал, не представлялся, не объяснял своего присутствия. Он просто стоял и смотрел.

И слушал.

В первом ряду, сразу за вдовой, он заметил людей, которых знал по прошлой жизни. Человек с седыми усами — генерал-полковник Михаил Сергеевич Ковалёв, бывший заместитель министра обороны по вопросам вооружений. Когда-то он курировал программу РХБЗ. Теперь — советник в одной из госкорпораций, но формально до сих пор числился в кадрах. Рядом с Ковалёвым — другой генерал, моложе, с гладко выбритым черепом и пронзительными глазами. Сиссе знал его как начальника управления специальных проектов. Имя не всплывало в памяти — только кодовое прозвище «Директор». При жизни Петрова он бывал у него дома — Антонина жаловалась, что эти визиты всегда заканчивались тем, что муж запирался в кабинете и не выходил до утра.

Среди гражданских выделялся один — высокий, худой, с длинными пальцами пианиста и безупречным костюмом от Vivoni. Он стоял чуть поодаль от основной группы, будто не хотел смешиваться. В руке — трость с серебряным набалдашником, хотя хромоты Сиссе не заметил. Аксессуар. Статус. Или способ занять руки.

Сиссе присмотрелся. Лицо казалось знакомым — где-то он его видел. В архивах? На фотографиях, которые показывала Хадижа? В отчётах о расследовании Гераклита?

Человек повернул голову, и солнечный блик скользнул по его лицу. Сиссе узнал скулы, разрез глаз, прищур. Это был тот самый «советник», который фигурировал в документах Доктор Соль. Тот, кто получал деньги от офшоров «Купели». Тот, кто числился в списке 2118.

У Сиссе похолодело за воротником.

Он опустил взгляд, чтобы не выдать себя. Сделал вид, что поправляет галстук. Отступил на полшага назад, за спину высокого полковника в шинели.

Наблюдатель приказал себе дышать ровно.

Церемонию вёл военный дирижёр — грузный мужчина с басом, который перекрывал ветер. Он сказал несколько дежурных фраз о «безвременной кончине», о «верности воинскому долгу», о «безупречной службе Родине». Потом слово дали Ковалёву.

Ковалёв вышел к микрофону, развернул лист бумаги — заранее написанную речь. Голос его дрожал — то ли от возраста, то ли от волнения, то ли от искренней скорби.

— Станислав Иванович был для меня не просто коллегой, — начал он. — Он был учителем. Он был человеком, который в самые трудные минуты не терял присутствия духа. Чернобыль... мы все помним Чернобыль. Там, на месте аварии, он принял на себя ответственность, когда другие отступали.

Кто-то из военных кашлянул. Кто-то переступил с ноги на ногу.

— Он участвовал в создании системы химической защиты, которой до сих пор нет аналогов в мире. Его работы в области биологической безопасности легли в основу многих закрытых программ, которые... — Ковалёв запнулся, посмотрел на бумажку. — Которые до сих пор остаются засекреченными.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Но главное — он был Человеком. С большой буквы. И мы будем помнить его таким.

Ковалёв отошёл от микрофона. Аплодисментов не было — на похоронах не аплодируют. Только молчание. И шелест флагов, приспущенных над гробом.

Сиссе заметил их, когда Ковалёв закончил речь. Двое мужчин в штатском — серые костюмы, белые рубашки, никаких галстуков. Они стояли в стороне от основной толпы, у старой сосны, чьи корни вздыбили асфальт. Один — высокий, с залысинами, лет пятидесяти. Второй — плотный, коренастый, с бычьей шеей и короткой стрижкой, под которой угадывался череп, привычный к каске.

Они не подходили к гробу. Не выражали соболезнований вдове. Не обменивались рукопожатиями с генералами. Они просто стояли и смотрели. И делали фото.

Высокий держал телефон — обычный смартфон в чёрном чехле — и методично снимал. Не лица — Сиссе заметил, что объектив направлен чуть выше, в сторону толпы. Он снимал не людей, а их расположение. Кто с кем стоит, кто с кем разговаривает, кто подходит к гробу в какой последовательности.

Второй, коренастый, просто смотрел. Но взгляд его был не рассеянным — цепким, профессиональным, как у человека, который привык запоминать лица.

Сиссе отвернулся, сделал вид, что копается в кармане — ищет платок или ключи. Пальцами выудил телефон, навёл объектив на отражение в стекле соседнего памятника — полированный гранит давал зеркальную поверхность, достаточную для того, чтобы разглядеть лица.

Он сделал три снимка. Потом убрал телефон.

И замер.

Потому что в одном из этих лиц он узнал человека, которого не мог узнать.

Его звали Андрей Викторович Суворов. Сиссе познакомился с ним в 2015 году, на учениях «Запад-2015», где Сенегал был приглашён в качестве наблюдателя. Суворов представлял ГРУ — Главное разведывательное управление — и курировал вопросы биологической безопасности на учениях.

Высокий, с залысинами, в сером костюме — он почти не изменился за одиннадцать лет. Та же манера держать голову чуть наклонённой, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышат другие. Тот же взгляд — спокойный, оценивающий, лишённый эмоций.

В 2020 году, как сообщали российские новости, полковник Суворов погиб в автокатастрофе под Рязанью. Машина вылетела с трассы и загорелась. Тело обгорело до неузнаваемости, но экспертиза ДНК подтвердила — это был он. Похороны прошли закрытые, на них допускали только родственников. Сиссе не был на них — тогда он служил в Мали, и до вестей из России ему не было дела.

Суворов погиб. Его не стало. Так писали в новостях.

А сейчас он стоял у сосны на Троекуровском кладбище, делал фотографии скорбящих и не подходил к гробу.

Сиссе почувствовал, как холод пробежал по спине. Этот холод он знал — он приходил всегда перед опасностью. В Мали, когда колонна попала в засаду. В ЦАР, когда снайпер целился в голову. В Майами, когда Кира вдохнула аэрозоль и перестала дышать.

Холод означал, что он нашёл то, что искал. И что искавшее его — тоже нашло.

Оркестр заиграл гимн. Почётный караул поднял карабины — троекратный залп в честь ушедшего.

Грохот выстрелов разорвал тишину кладбища. Птицы сорвались с сосен, закружили в сером небе, напуганные звуком. Ветер донёс запах пороха — резкий, горький, похожий на запах, который Сиссе помнил по Чернобылю, когда на полигоне отрабатывали взрывы химических снарядов. Жена Петрова вздрогнула, но не вскрикнула.

Суворов не вздрогнул. Даже не моргнул. Он продолжал снимать — спокойно, методично, как будто присутствовал не на похоронах, а на учебной операции, где каждый кадр должен был лечь в отчёт.

Его напарник — коренастый — что-то сказал ему на ухо. Суворов кивнул, убрал телефон, и они оба сделали шаг назад — в тень сосны.

Сиссе решил рискнуть.

Он медленно, не привлекая внимания, двинулся вдоль ограждения, обходя толпу с левой стороны. Пара шагов — остановка, будто рассматривает надгробие. Ещё пара — завязывает шнурок на ботинке, которых и не думал развязывать. Ещё пара — смотрит на часы, изображая нетерпение.

Он приблизился к сосне на расстояние пятнадцати метров. Достаточно, чтобы слышать голоса, если ветер подует в нужную сторону.

Ветер подул.

— ...убедились? — это коренастый, голос низкий, прокуренный.

— Да, — Суворов. — Все на месте. Ковалёв, Демидов, Берестов. Те, кого Петров мог посвятить.

— И африканец? Тот, что прилетел вчера?

— Сиссе. Он не в счёт. Наблюдаем.

— Почему не в счёт?

— Потому что он не знает. Ещё.

Коренастый что-то сказал — ветер переменялся, и Сиссе не расслышал. Но увидел, как Суворов кивнул в сторону центральной аллеи, и оба мужчины начали отходить от сосны, углубляясь в кладбищенские тропинки.

Сиссе не последовал за ними. Слишком рискованно. Если Суворов действительно работал на Гераклита — а у Сиссе не оставалось сомнений, — то за ними могли быть и другие. Те, кого он не заметил. Те, кто смотрел с другой стороны.

Он выждал минуту. Другую. Третью.

Потом повернулся и пошёл к своей «Волге».

Машина завелась со второй попытки — карбюратор барахлил. Сиссе выехал с кладбища через западные ворота, где не было поста ДПС. На выезде он притормозил, пропуская чёрный «Мерседес» с правительственными номерами, и только тогда выдохнул.

В зеркале заднего вида Троекуровское кладбище уменьшалось, превращаясь в серое пятно среди зелени. Сосны, берёзы, мраморные надгробия — всё это оставалось позади. Вместе с теми, кто так и не подошёл к гробу.

Он достал телефон. Набрал номер Хадижи.

— Ты где? — спросила она. Голос сонный — в Париже было около одиннадцати утра, Хадижа не спала, просто отдыхала после бессонной ночи. Сиссе слышал, как она потягивается, как в её голосе появляются бодрые нотки.

— На кладбище, — ответил Сиссе. — Только что закончилось.

— И?

— И я видел людей, о которых ты мне говорила в прошлом году. Про список 2118. Там было 84 имени. Одно из них — Суворов. Андрей Викторович. Бывший полковник ГРУ.

— Суворов? — Хадижа переспросила, будто не поверила. — Он же погиб. В 2020-м. Автокатастрофа.

— Так написано в новостях, — сказал Сиссе. — Сейчас он стоял у сосны и фотографировал скорбящих. Он жив. И он работает на того, кто убил Петрова.

Тишина. Хадижа переваривала информацию.

— Ты заснял его? — спросила она наконец.

— Да. Три фото. Сейчас скину.

— Скидывай. Я проверю по базам. Если он действительно жив, где-то должны быть следы — платежи, перелёты, телефонные звонки.

— Проверь. И ещё кое-что.

— Что?

— У него был напарник. Коренастый, с бычьей шеей. Я его не узнал. Но он назвал три имени — Ковалёв, Демидов, Берестов. Проверь их тоже.

— Ковалёв — это который выступал с речью?

— Да. Генерал-полковник, бывший замминистра.

— А Демидов и Берестов?

— Не знаю. Я не расслышал должностей. Но они были в первом ряду. Гражданские. Один в дорогом костюме, с тростью. Второй — лысый, с пронзительным взглядом.

— Поняла. Работаю.

Хадижа отключилась.

Сиссе убрал телефон и свернул на Минское шоссе. До Внуково оставалось около часа. Он хотел успеть на вечерний рейс до Женевы, где его ждала Кира.

Но сначала нужно было заехать в одно место.

Квартира Петрова всё ещё была опечатана. Следователи закончили осмотр накануне, изъяли все документы, компьютеры, телефоны. Даже личные вещи — старые фотографии, орденские книжки, письма от сослуживцев — упаковали в коробки и отправили в неизвестном направлении.

Но Сиссе знал то, чего не знали следователи.

У Петрова был второй тайник. Не в квартире. В подъезде, за электрощитом. Старый генерал показывал ему его в 2018 году, когда Сиссе приезжал в Москву на юбилей.

«Здесь самое безопасное место, Ибрагим, — сказал тогда Петров, открывая щиток. — Никто не додумается искать улики там, где пахнет горелой проводкой».

Сиссе зашёл в подъезд — никто не обратил внимания. Чужой мужчина в тёмных очках, с кейсом в руке, мог быть кем угодно — сантехником, газовщиком, сотрудником ЖЭКа. Москва привыкла к посторонним.

Он поднялся на второй этаж. Прислушался. В соседней квартире играла музыка — старая, советская, Алла Пугачёва. Значит, соседка Галина Петровна была дома. Но она не выглядывала.

Электрощит находился на лестничной площадке между вторым и третьим этажом. Сиссе открыл его монтировкой — щёлкнул замок, и железная дверца поддалась. Внутри — счётчики, автоматы, клубки проводов. И чёрный пластиковый пакет, примотанный изолентой к дальней стенке.

Он достал пакет, спрятал в кейс. Закрыв щиток.

Улица встретила его свежим ветром. Никто не смотрел из окон. Никто не вышел на балкон. Чёрный «Мерседес» с тонировкой не стоял у подъезда.

Сиссе сел в «Волгу» и поехал в аэропорт.

Внуково, зал вылета. 19:30.

Кейс прошёл через рентгеновский сканер без проблем — полиэтилен низкой плотности не вызывал подозрений. Ручная кладь, стандартный досмотр. Сиссе снял ремень, выложил телефон в лоток, прошёл через металлодетектор — тот молчал.

Он сел в зале ожидания, заказал чёрный чай без сахара (никогда не пил кофе после того, что случилось с Кирой в Майами) и открыл кейс.

Внутри были документы. Старые, пожелтевшие, с печатями и штампами, которые уже никто не использовал. Верхний лист — карта бывшего военного полигона «Арзамас-80». Нижний — отчёт о работах за 1988 год, «Совершенно секретно», «Хранить вечно».

И отдельная папка — тонкая, с надписью от руки: «2118. Чистилище. Не открывать до особого распоряжения».

Сиссе открыл.

Внутри — фотографии. Чёрно-белые, снятые на плёнку, с характерными царапинами и бликами от вспышки. На них была лаборатория. Стерильные белые столы, стеллажи с пробирками, микроскопы, центрифуги. И люди в химзащитных костюмах — старых, ещё советских, с резиновыми масками и шлангами подачи воздуха.

Одна фотография привлекла его внимание. Молодой Петров — тогда ещё полковник — стоит рядом с высоким человеком в штатском. На заднем плане — большие металлические контейнеры, похожие на те, что они видели в бункере «Арзамас-80». На контейнерах — маркировка, не русская, английская: «Biohazard. CL-2118. Live insects. Handle with care». (пер. «Биологическая опасность. CL-2118. Живые насекомые. Обращаться с осторожностью»)

Живые насекомые.

Комары.

Сиссе перевернул фотографию. На обороте — каллиграфическим почерком Петрова: «1988, сентябрь. Лаборатория 11. Первые испытания переносчика. Результат — 100% летальность через 72 часа. Заказчик — неизвестен. Позывной «Чистильщик». Документы прилагаются».

Сиссе достал спутниковый телефон. Набрал номер Киры.

— Я нашёл подтверждение, — сказал он. — Петров не бредил. В Арзамасе-80 действительно была лаборатория. И они работали с комарами ещё в 1988 году.

— Кто «они»? — спросила Кира.

— Не знаю. Петров пишет о заказчике с позывным «Чистильщик». Может быть, тот самый «Голос», о котором говорила Доктор Соль.

— Голоса. Верхушка Гераклита. Четыре-пять человек.

— Да. И один из них был замечен на похоронах.

— Кто?

— Суворов. Мёртвый полковник ГРУ. Он жив. Он работал на них.

Кира замолчала. Сиссе слышал, как она дышит — ровно, сосредоточенно.

— Возвращайся в Женеву, — сказала она наконец. — У нас есть 48 часов до футбольного матча. Если контейнеры с комарами где-то в Казани, мы должны найти их раньше, чем они найдут нас.

— Я уже на посадке.

— Скинь фото Суворова Хадиже. Пусть проверит его связи.

— Уже.

— И ещё, Сиссе.

— Да?

— Береги себя. Если этот «Чистильщик» узнает, что ты был на похоронах и видел его людей...

— Тогда мы встретимся раньше, чем я планировал.

Он отключился.

В динамике объявили посадку на рейс до Женевы. Сиссе захлопнул кейс, встал, пошёл к выходу на посадку.

За окном аэропорта садилось солнце. Красное, как кровь.

ГЛАВА 2. «Архивная пыль»

Москва, Котловка. Квартира Антонины Петровой. 9:47 утра.

Кира Соболева стояла у подъезда дома семнадцать по улице Дмитрия Ульянова и смотрела на облупившуюся краску, ржавые козырьки и выцветшие объявления о сборе средств на капремонт, которые здесь же, на доске объявлений, тут же заклеивали рекламой ритуальных услуг и срочного выкупа квартир. Контраст между величию похорон на Троекуровском кладбище и убожеством этого дома бил в глаза, как пощёчина. Генерал, которого хоронили с оркестром и почётным караулом, жил в хрущёвке, где лифт не работал с девяностых, а мусоропровод заварили ещё при Лужкове.

Она прилетела в Москву ранним утром рейсом «Аэрофлота» из Женевы. Хадижа через свои каналы сделала ей аккредитацию журналиста «Новой газеты» — удостоверение, которое открывало многие двери, но не все. Для этой двери нужен был другой пропуск: доверие вдовы.

Кира поднялась на второй этаж. Дверь квартиры двадцать два была обита старой коричневой дермантиновой обивкой, с вырванными пуговицами и протёртыми до дыр местами. Замок — простой, сувальдный, который можно открыть любой скрепкой. Сиссе уже был внутри — он приехал на час раньше, чтобы поговорить с Антониной Петровой, подготовить её к приходу «журналистки из Европы».

Она постучала. Три удара — пауза — два — код, который они с Сиссе договорились использовать в Москве.

Дверь открыл сам Сиссе. Он был в гражданском — тёмные брюки, серая рубашка с длинным рукавом, никаких знаков отличия. Выглядел как обычный мужчина за пятьдесят, которых в Москве тысячи, — чуть уставший, чуть настороженный, но не вызывающий подозрений.

— Проходи, — сказал он тихо. — Она ждёт.

Антонина Петрова сидела на кухне — той самой, где убили её мужа. За те четыре дня, что прошли с момента смерти генерала, она почти не выходила из этой комнаты. Ей казалось, что если она останется здесь, если будет сидеть на том же стуле, на котором сидел он, если будет смотреть в ту же стену, на которой висела фотография Чернобыля, то сможет удержать его — не тело, не душу, а хотя бы память.

Она была маленькой, сухонькой, с седыми волосами, собранными в пучок на затылке, и толстыми линзами очков, которые увеличивали глаза, делая их похожими на два встревоженных озера. Руки её лежали на коленях — узловатые, с выступающими венами, с обручальным кольцом, которое она носила шестьдесят два года и не сняла до сих пор.

— Здравствуйте, Антонина Ивановна, — сказала Кира, входя.

Она говорила по-русски с заметным акцентом — учила язык в университете, потом практиковалась с Сиссе, но до сих пор путала падежи. Антонина подняла голову, посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

— Вы та самая из Женевы? — спросила она. Голос — слабый, но в нём чувствовалась сталь. Женщина, которая пережила войну, перестройку, развал страны и смерть мужа, не сломалась. Она ждала.

— Я та самая, — ответила Кира. — Соболева. Расследую обстоятельства смерти вашего мужа.

— Ибрагим мне рассказал, — Антонина кивнула в сторону Сиссе, который стоял у входа в кухню, скрестив руки на груди. — Вы работали с ним в Майами. Вы те, кто остановил тот корабль.

— Мы, — сказала Кира. — Но не остановили. Только отложили.

Антонина помолчала. Её пальцы сжались на коленях, побелели костяшки.

— Что вы хотите знать? — спросила она.

— Всё, что муж рассказал вам в последние дни. Любые мелочи. Любые странности. Он звонил кому-то? Кто приходил к нему? Что он говорил о прошлом — об «Арзамасе-80», о 2118?

Антонина закрыла глаза. Когда она открыла их снова, в них стояли слёзы, но она не позволила им пролиться.

— За две недели до смерти он стал другим, — начала она. — Беспокойным. Не спал ночами. Вставал в три-четыре утра, садился на кухню, писал что-то в блокноте.

— В том самом, который нашёл Сиссе?

— Да. Я не читала. Он не показывал. Но я видела, что его мучает. Спрашивала — отмывался. «Старость, Тоня, старость. Память шалит».

— Что вы имеете в виду — «память шалит»?

— Он вспоминал прошлое. Всё чаще. То Чернобыль, то какие-то учения в конце восьмидесятых, то лабораторию, где он работал до развала Союза. Говорил, что видел там то, что не должен был видеть. Что если когда-нибудь правда выйдет наружу, его убьют.

— Он называл имена? — спросил Сиссе.

— Нет. Но однажды — это было за неделю до смерти — к нему приходил человек. Я не видела лица — Станислав сказал мне оставаться в спальне. Но я слышала голос. Мужской. Спокойный, властный. Они говорили о «старых долгах» и о «чистилище». А потом человек ушёл, а Станислав вернулся в спальню бледный, как стена.

— Вы узнали бы этот голос, если бы услышали снова? — спросила Кира.

Антонина покачала головой.

— Я плохо слышу. Только интонацию — холодную, как лёд.

Кира записала в блокнот. «Голос — холодный, как лёд». Может быть, тот самый «Чистильщик»?

— Где архив вашего мужа? — спросила она. — Документы, фотографии, старые отчёты. То, что следователи не изъяли?

Антонина встала со стула — медленно, опираясь на трость, которую держала у ножки стола. Кира хотела помочь, но старуха отмахнулась — «сама, сама».

— Идите за мной, — сказала она.

Она провела их в спальню. Маленькую, тесную, с двуспальной кроватью, застеленной выцветшим покрывалом, с тумбочкой, на которой стояла лампа под жёлтым абажуром, и с большим платяным шкафом, который занимал почти половину комнаты. Шкаф был старым, ещё советским, из ламинированного ДСП, с выдвижными ящиками и антресолю, до которой можно было дотянуться только со стремянки.

Антонина подошла к шкафу, открыла дверцу. Внутри — одежда: костюмы генерала, платья Антонины, парадный мундир Петрова в чехле.

— Смотрите, — сказала она, нажимая на заднюю стенку шкафа.

Стенка подалась — с тихим щелчком открылась ниша. Сантиметров пятнадцать глубиной, от пола до верха. Там лежали папки. Десятки папок. Пожелтевшие, с выцветшими надписями, с печатями и штампами, которые никто не использовал уже тридцать лет.

— Он сказал: «Если меня не станет, отдай это тем, кто ищет правду», — сказала Антонина. — Я не знала, кому отдать. Пока не пришёл Ибрагим.

Сиссе подошёл к нише, осторожно вытащил первую папку. На обложке — надпись чёрным маркером: «СССР. МО. Войска РХБЗ. Сектор 11. 1989».

Он открыл. Внутри — машинописные листы, синька, схемы, фотографии. Качество печати ужасное — буквы расплывались, схемы были нарисованы от руки. Но содержание...

— Это планы лаборатории на полигоне «Арзамас-80», — сказал Сиссе, пробегая глазами страницы. — Схема расположения корпусов, система вентиляции, энергоснабжение. И допуски. Сотрудники, имевшие доступ к «Объекту 2118».

— Объекту 2118? — переспросила Кира.

— Да. Петров называл его «Арзамас-80». Но в документах он проходит как «Объект 2118». Тот же код, что в первой книге. Только на единицу больше.

Кира подошла ближе, заглянула в папку. В глаза бросилась карта — старая, выцветшая, с тушью, которая местами выцвела до коричневого цвета. Юг Нижегородской области, лесной массив вокруг посёлка Сатис. Точка, обведённая красным: «Объект 2118». И подпись от руки, каллиграфическим почерком Петрова: «Здесь мы создали то, что нельзя было создавать. И то, что нельзя уничтожить. 1988–1991».

— Он был уверен, что лаборатория работает до сих пор? — спросила Кира.

— Он говорил, — Антонина перекрестилась, — что «Гераклит» не даст закрыть то, что приносит деньги. Что бывшие сотрудники Минобороны ушли в частные компании и продолжают свои эксперименты.

— Какие эксперименты?

— Я не знаю. Он не рассказывал. Только обмолвился однажды: «Комары, Тоня. Мы тогда использовали комаров. Это был идеальный носитель. Никто не обращает внимания на комаров».

Кира переглянулась с Сиссе. Их догадки подтвердились.

Они потратили три часа на изучение архива. Сиссе отбирал самые важные документы — те, что касались «Объекта 2118», комариных носителей, заказчиков. Кира фотографировала каждую страницу — не только для себя, но и для Хадижи, которая ждала материалы в Париже. Хадижа обещала провести независимую экспертизу подлинности документов через знакомых историков и криминалистов.

Среди бумаг они нашли странный конверт — кремового цвета, плотной бумаги, без обратного адреса. На конверте было написано от руки: «Вскрыть после моей смерти».

Сиссе открыл. Внутри — письмо. Две страницы убористого текста, написанного шариковой ручкой. Почерк старческий, дрожащий, но разборчивый. Дата: 25 апреля 2026 года — за две недели до смерти.

Кира начала читать вслух:

«Дорогой Ибрагим. Если ты читаешь это, значит, меня уже нет в живых. Не верь официальной версии — я не ушёл сам. Меня ушли. Те, кто называет себя «Чистильщиками». Они — часть «Гераклита», о котором ты уже знаешь. Они зачищают свидетелей, которые могут рассказать о программе 2118. Я — последний из тех, кто работал в «Арзамасе-80» в конце восьмидесятых. Остальные либо умерли своей смертью — или не своей.

Что ты должен знать. В 1988 году нам, войскам РХБЗ, поступил заказ от "специального отдела" Министерства обороны. Нужно было создать систему доставки биологического агента, которая была бы незаметной, дешёвой и эффективной. Мы предложили комаров. Их тысячи, они летают, они кусают, они не вызывают подозрений. Мы модифицировали штамм оспы так, чтобы комары могли его переносить, но сами не умирали. Испытания на полигоне "Арзамас-80" прошли успешно — 100% летальность подопытных животных в течение 72 часов. Затем заказчик — позывной "Чистильщик" — потребовал модификацию: чтобы вирус активировался не сразу, а через несколько дней. Для этого нужен был триггер, как в проекте 2117 — кофе. Но здесь триггер другой. Извини, не могу сказать больше — даже в зашифрованном письме.

После развала СССР проект закрыли. Лабораторию законсервировали, образцы уничтожили. Но в 2019 году я узнал, что работу продолжили — уже не военные, а частная организация, связанная с «Гераклитом». Они нашли старые чертежи, реактивы, даже живые образцы — ту самую модифицированную оспу. И начали подготовку к новой фазе. Она называется «Чистилище».

Ибрагим, ищи старые отчёты. В них — имена заказчиков, даты, координаты складов. И помни: комары живут 72 часа. Если где-то произойдёт массовая активация — значит контейнеры были открыты за три дня до этого. У тебя будет три дня, чтобы остановить эпидемию.

Прости, что не сказал раньше. Я боялся. Боялся за себя, за Тоню, за тебя. Но сейчас страх прошёл. Осталась только надежда — на тебя и твоих друзей.

Станислав».

Кира дочитала, опустила письмо.

— Триггер, — сказала она. — Другой, не кофе.

— Что это может быть? — спросил Сиссе.

— Не знаю. Но если мы узнаем, сможем найти способ деактивации.

— Или предотвращения.

Антонина, которая слушала молча, подала голос:

— Он говорил о чём-то белом. Как пыльца. «Эта пыльца активирует их, Ибрагим. Стоит комарам коснуться её — они становятся смертельными на 72 часа».

— Пыльца? — переспросила Кира.

— Да. Цветочная пыльца. В лаборатории, где он работал, стояли контейнеры с чем-то белым, похожим на муку. Он сказал — это споры. Споры грибка, который растёт только в одном месте на земле. Где — не сказал.

— Споры? — Сиссе нахмурился. — Грибок?

— Станислав называл его «белая смерть».

Кира записала. «Белая смерть. Споры. Триггер — пыльца (споры грибка)».

— Где этот полигон? — спросил Сиссе. — «Арзамас-80» — это закрытый город? Я слышал, его расселили в девяностых.

— Расселили, — ответила Антонина. — Но бункеры остались. Под землёй. Несколько уровней. Станислав показывал мне схему — он хранил её в папке с пометкой «Не открывать».

Кира нашла эту папку — нижнюю, самую большую, с надписью «2118 — Архив» чёрным фломастером. Открыла.

Внутри — схема бункера. Несколько уровней: наземный корпус, подземный этаж для лабораторий, второй подземный этаж для хранения. И третий — секретный. На схеме он был заштрихован красным, с пометкой: «Доступ только у "Голосов". Вход — с восточной стороны, через технический тоннель».

— Нам нужно туда, — сказал Сиссе.

— Туда, — согласилась Кира. — Но сначала — найти, где сейчас эти контейнеры с комарами. Если они активировались на полигоне, мы опоздаем.

— Zee.

— Zee, — кивнула Кира. — Она работает над спутниковыми снимками.

Она достала телефон. Спутниковая связь в Москве работала через одного оператора — того самого, чьим ключом пользовалась Zee ещё во время первой книги. Кира набрала сообщение, зашифровала, отправила.

Ответ пришёл через минуту:

«Нашла. 55.796, 49.106. Казань. Стадион. 40 000 человек. Контейнеры под южной трибуной. Таймер — 48 часов. Поторопитесь».

Кира показала экран Сиссе.

— 48 часов, — сказала она.

— Успеем?

— Должны.

Они собрали папки. Сиссе взял самые важные — с планами бункера, с отчётами об испытаниях, с фотографиями. Кира — письмо Петрова и схему «Объекта 2118». Антонина смотрела на них, как на последнюю надежду.

— Вы вернётесь? — спросила она.

— Обязательно, — сказал Сиссе. — Я приеду, как только закончим.

— Не обещайте, — старуха покачала головой. — Станислав тоже обещал. В 1988-м, перед командировкой в «Арзамас». «Я вернусь, Тоня. Через две недели». Вернулся. Другим. Молчаливым.

И ноги грязью. Сколько я отмывала ту грязь... будто не с полигона, а с болота.

— Какой была грязь? — спросила Кира.

— Белая. Мелкая, как пыль. Воняло сладко, приторно. Он сказал — не спрашивай. Я и не спрашивала.

Кира записала. «Белая грязь. Сладкий запах. Споры?»

— Спасибо, Антонина Ивановна, — сказала она. — Вы очень помогли.

— Спасите других, — ответила старуха. — Станислав не даст соврать — других надо спасать.

Выйдя из подъезда, Кира и Сиссе сели в «Волгу». Водитель — тот самый парень, которого Сиссе нанял в первый день — ждал их с заведённым двигателем.

— В аэропорт, — сказал Сиссе.

— В Шереметьево?

— В Жуковский. Там частный сектор. Нас ждёт самолёт.

Кира посмотрела на часы. 13:47. До матча — 46 часов.

— Успеем? — спросила она снова.

— Если будем лететь, а не ползти, — ответил Сиссе.

Машина выехала на Нахимовский проспект. Позади остался дом семнадцать — серая хрущёвка, где генерал-полковник готовился к смерти, писая письма и пряча архивы за фальшивой стенкой старого шкафа.

В салоне было тихо. Кира перебирала фотографии документов — смотрела на схему бункера, на лица людей в химзащите, на контейнеры с маркировкой CL-2118.

— Посмотри на это, — сказала она, протягивая телефон Сиссе.

На экране — фотография той самой лаборатории, 1988 год. Снимок сделан с верхней точки, возможно, с балкона или лестницы. В кадре — пять человек в химзащитных костюмах. Четверо стоят вокруг стола, пятый — чуть поодаль, у стены с контейнерами.

— Узнаёшь кого-нибудь?

Сиссе приблизил изображение. Пятно, шум, низкое качество — но черты угадывались.

— Вот этот, — он ткнул пальцем в пятого, стоявшего у стены. — Высокий, худой, даже в костюме видно. Посадка головы — как у человека, привыкшего командовать. Мне кажется, я его видел.

— Где?

— На похоронах. В первом ряду. Гражданский с тростью. Ковалёв? Нет, Ковалёв был военным. Другой.

— Демидов? Берестов?

— Не знаю. Но он там был.

— Если он работает на Гераклита и был на похоронах, значит, он не просто наблюдатель, — сказала Кира. — Он участник.

— Или заказчик.

Машина свернула на МКАД. Впереди — Жуковский, частный самолёт и Казань.

Внутри самолёта. 16:30.

Лёха Кравчук арендовал «Гольфстрим» — белый, с кожаными креслами и мини-баром, где стоял коньяк, который никто не пил. Кира сидела у иллюминатора, смотрела на облака. Под ними проплывала Россия — леса, реки, города, которые Гераклит собирался превратить в чистилище.

Сиссе сидел напротив, просматривал отсканированные документы на планшете.

— Слушай, — сказал он, не поднимая головы. — Я нашёл кое-что в папке «Финансирование». Заказы на контейнеры для стадиона в Казани оплачены через счёт в казанском банке.

— Откуда деньги?

— От компании, зарегистрированной в Люксембурге. Той самой, которую мы видели в деле Гераклита — «Купель».

— Доктор Соль говорила о ней, — Кира кивнула. — «Купель» — прачечная для денег Гераклита.

— Да. Но я нашёл одно имя, которого не было в документах, переданных Хадиже. Местный куратор. Менеджер, который подписывал акты приёма-передачи контейнеров.

— Кто?

Сиссе развернул планшет. На экране — фотография мужчины лет сорока, с короткой стрижкой и бегающими глазами. Фото с корпоративного сайта, удалённого, но сохранённого в кэше.

— Ильдар Сабиров. 42 года. Директор по безопасности стадиона в Казани.

— Тот самый, кто должен был пропустить контейнеры на объект?

— Тот самый. Или тот, кто их заказал.

Кира запомнила лицо. Ильдар Сабиров. Человек, через которого Гераклит контролировал доступ к подтрибунным помещениям.

— Его нужно взять, — сказала она.

— Взять, — кивнул Сиссе. — Но с умом.

Самолёт вошёл в зону турбулентности. Стюардесса объявила: «Уважаемые пассажиры, вернитесь на свои места. Застегните ремни».

Кира застегнула ремень. Посмотрела в иллюминатор — внизу показалась Казань. Белые мечети, многоэтажные дома, синяя лента реки Казанки.

И стадион. Огромный, чашеобразный, с раздвижной крышей, на которой уже зажгли прожекторы — хотя до матча оставалось почти двое суток.

— Садимся, — сказал пилот по громкой связи.

Кира взяла рюкзак, проверила содержимое. Спутниковый телефон. Ноутбук с зашифрованными данными. Флешка с документами Петрова. И маленький конверт от Антонины — тот, который она отдала им уже на выходе, сказав: «Это от Станислава. Он просил, чтобы вы открыли это, когда будете в самолёте».

Кира открыла.

Внутри — старая фотография. Чернобыль, 1986 год. Молодой Петров и ещё один мужчина — высокий, худой, в военной форме без знаков отличия. Они стоят у вертолётки, на фоне дымящегося реактора.

На обороте — подпись: «Я справа. Слева — Чистильщик. 1986, октябрь. Прости, что не сказал раньше».

Кира показала фото Сиссе.

— Чистильщик, — сказала она. — Тот самый. Позывной заказчика с 1988 года.

— Он был в Чернобыле?

— Да. И в «Арзамасе-80». И, вероятно, на похоронах Петрова.

Сиссе взял фотографию, приблизил. Всмотрелся в лицо человека в военной форме — скулы, разрез глаз, прищур. То же лицо, что он видел в первом ряду на Троекуровском кладбище. Тот самый гражданский в дорогом костюме, с тростью.

— Мы знаем, как он выглядит, — сказал Сиссе.

— Но не знаем, как его зовут.

— Назовём его «Чистильщик». До тех пор, пока не узнаем настоящее имя.

Кира спрятала фотографию в нагрудный карман.

Самолёт коснулся взлётной полосы.

ГЛАВА 3. «Свидетель из Саратова»

Париж, квартира Хадижи. 9:47 утра.

Хадижа Мансар не спала третьи сутки. На столе перед ней дымилась чашка с турецким кофе — уже третья за последние четыре часа, — а на трёх мониторах светились базы данных, которые она просматривала одновременно. Сначала архивы Министерства обороны СССР — те, что удалось оцифровать в начале двухтысячных и которые до сих пор хранились на медленных серверах с устаревшими протоколами доступа. Потом базы данных Минобороны РФ, куда Zee предоставила ей временный — и крайне незаконный — доступ через уязвимость в системе аутентификации. Потом открытые источники: старые газеты, журналы, сборники статей по военной химии и биологии, которые были опубликованы в конце восьмидесятых — начале девяностых и с тех пор никем не переиздавались.

За окном шёл дождь. Мелкий, холодный, тот самый парижский дождь, который проникает под одежду и заставляет чувствовать себя так, будто город никогда не видел солнца. Хадижа не обращала на него внимания. Она смотрела на экран, где высветился новый результат поискового запроса, и чувствовала, как внутри поднимается знакомое напряжение.

Она искала сослуживцев Петрова.

Архивы Минобороны хранили списки личного состава войск РХБЗ за 1986–1991 годы — три папки, каждая по несколько сотен страниц, отсканированных с ужасным качеством, с пропущенными страницами и нечитаемыми печатями. Хадижа просматривала их вручную, страница за страницей, потому что текстовая вычитка не справлялась с расплывчатыми буквами и старым шрифтом пишущих машинок.

Она искала тех, кто служил с Петровым в «Арзамасе-80».

Сначала она нашла Ковалёва — генерал-полковника в отставке, который выступал с речью на похоронах. Он значился как «начальник отдела перспективных разработок» в 1989–1992 годах. Потом — Берестова, гражданского специалиста по биоинженерии, который привлекался к работам на полигоне в 1990–1991 годах. Потом — ещё несколько имён, которые ничего ей не сказали.

Но одно имя привлекло её внимание.

Полковник Виктор Сергеевич Громов. 1988–1991 — начальник лаборатории биологических испытаний на Объекте 2118. Доктор биологических наук. После развала СССР уволен в запас. Место жительства — Саратов.

Хадижа проверила другие базы данных.

Громов жив. В 2026 году ему исполнилось 80 лет. Он не умер, не исчез, не попал в список 2118. О нём не было ни одного упоминания в новостях за последние десять лет. Ни интервью, ни публикаций, ни даже записи в соцсетях — хотя для человека его возраста это было неудивительно.

Он был единственным из всей группы Петрова, кто остался в живых и не был под контролем Гераклита. Или, по крайней мере, не был найден.

Хадижа нашла его телефон. Не мобильный — домашний, проводной, с кодом Саратова. Старый номер, который не менялся с девяностых. Она набрала и слушала длинные гудки.

Раз, два, три, четыре, пять.

— Алло? — Голос старческий, с хрипотцой, но бодрый. Человек, который не потерял интереса к жизни.

— Виктор Сергеевич? Меня зовут Хадижа Мансар. Я журналист, расследую обстоятельства гибели генерала Петрова.

Молчание. Такое долгое, что Хадижа подумала — связь оборвалась.

— Откуда у вас мой номер? — спросил Громов.

— Из архивов Минобороны. Вы значитесь как начальник лаборатории на Объекте 2118. Снова молчание.

— Я не говорил об этом тридцать пять лет. И не собираюсь начинать.

— Генерал Петров мёртв, Виктор Сергеевич. Его убили. За то, что он знал. За то, что он молчал слишком долго.

— Я знаю, что он мёртв. Я был на похоронах.

Хадижа удивилась. В списках присутствующих, которые она видела, Громов не значился.

— Вы были? Я не видела ваше имя.

— Потому что я не подходил к гробу. А стоял в отдалении — как провожающий. Федеральная служба охраны пропустила меня по старой памяти — я когда-то работал с их начальником. Но имя моё нигде не светилось. Я не хотел, чтобы меня заметили.

— Заметили те, кто убил Петрова?

— Те, кто его заказал.

Хадижа почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Виктор Сергеевич, мне нужно с вами встретиться. Лично.

— Зачем?

— Чтобы вы рассказали то, чего нет в архивах. Что такое 2118. Кто такой «Чистильщик». Как работают контейнеры с комарами.

Громов вздохнул. Она услышала, как он закурил — щелчок зажигалки, затяжка, выдох. Старая привычка, от которой не могли отучить ни жена, ни врачи.

— Приезжайте, — сказал он. — Но одна. Никаких операторов, никаких камер. Только вы и я.

— Когда?

— Сегодня вечером. Вокзал Саратов-1. Я встречу вас на перроне. Не берите такси — сядьте в мою машину. И не говорите никому, куда едете.

— Почему?

— Потому что если они узнают, мы оба умрём раньше, чем вы успеете задать второй вопрос.

Он отключился.

Хадижа набрала номер Киры.

— Кира, я лечу в Саратов. Свидетель. Тот, кто работал с Петровым на Объекте 2118.

— Глухарь нас предупредил, — ответила Кира. — Старых свидетелей убирают. Ты уверена?

— Он слишком стар, чтобы быть агентом. И слишком напуган, чтобы врать.

— Тогда лети. Но держи спутниковый телефон включённым. Каждые два часа выходи на связь.

— Договорились.

Хадижа отключилась, сунула ноутбук в рюкзак, накинула плащ — тот самый, старый, потёртый на локтях, который она носила уже пять лет. Выходя из квартиры, она оглянулась на белый фургон с дипломатическими номерами — он всё ещё стоял у её дома. Как напоминание о том, что Гераклит не спит.

Она села в такси и поехала в аэропорт Бове. Ближайший рейс до Саратова был через три часа.

Саратов, вокзал Саратов-1. 19:47 вечера.

Хадижа вышла из вагона — поезд «Москва — Саратов» прибыл с опозданием на двадцать минут. Серое здание вокзала встретило её запахом дешёвой выпечки, сигаретного дыма и бензина. Носильщики тащили тележки с чемоданами, проводницы в синей форме проверяли билеты, цыганки с младенцами на руках кланчили мелочь.

На перроне её ждал старик.

Высокий, сутулый, в старом армейском плаще защитного цвета, который помнил ещё Афганистан. Лицо изрезано морщинами — глубокими, как трещины на сухой земле. Глаза — светлые, выцветшие, но цепкие. Тонкие губы, сжатые в ниточку. В руке — трость, которую он не использовал для опоры — нёс как символ, как привычку.

— Хадижа? — спросил он, подходя ближе. Голос — скрипучий, но без надрыва.

— Виктор Сергеевич?

— Пойдёмте. Машина на стоянке.

Он повернулся и пошёл к выходу из вокзала, не оглядываясь, уверенный, что она последует.

Хадижа последовала.

Машина оказалась старой «Нивой» — грязно-белой, с потёками ржавчины на колёсных арках и подтеками масла под двигателем. Внутри пахло бензином, старыми сигаретами и собачьей — на заднем сиденье лежал выцветший плед, покрытый рыжей шерстью.

— Садитесь, — сказал Громов, открывая переднюю дверцу.

Она села. Он завёл двигатель — со второго раза, карбюратор чихнул и заработал. «Нива» выехала с вокзальной площади и направилась в сторону Волги.

— Куда мы едем? — спросила Хадижа.

— Ко мне домой. Энгельс, на другой стороне моста. Там тихо. Никто не подслушает.

— Вы один живёте?

— Жена умерла пять лет назад. Дочь в Москве. Сын в Германии. Только я и пёс.

— Как его зовут?

— Джек. Овчарка. Старый, как я.

Машина въехала на мост через Волгу. Хадижа смотрела в окно — река была широкой, серой, с медленным течением. На том берегу виднелись огни Энгельса — города, который когда-то назывался Покровск, а потом переименовали в честь немецкого философа, о котором Гераклит, возможно, даже не слышал.

— Почему вы согласились говорить? — спросила Хадижа.

Громов не ответил сразу. Он переключил передачу, обогнал фуру, включил поворотник и свернул на съезд.

— Потому что Станислав был моим другом, — сказал он наконец. — Мы вместе начинали. Вместе учились в академии. Вместе ездили в Чернобыль. Вместе работали в Арзамасе. А потом я ушёл, а он остался. Я думал, что жизнь рассудила нас по-своему — ему слава, мне тишина. Но оказалось, что слава — это смерть. А тишина — это жизнь.

— Вы знали, что его убьют?

— Догадывался. Он звонил мне за месяц до смерти. Сказал: «Витя, они идут по старому списку. Я следующей». Я спросил: «Кто — они?» Он ответил: «Чистильщик». Тот самый, что заказывал нам программу.

— Вы знаете, кто это?

— Никто не знает. Даже тех, кто с ним работал, он представлялся по кодовому имени. Голос в телефоне. Или курьер с конвертом. Лицо я видел только раз — в 1988 году, когда он приезжал на полигон принимать испытания. Но сейчас он изменился. Другой человек.

— Как он выглядел тогда?

Громов помолчал.

— Высокий. Худой. Военная форма без знаков отличия. Глаза — светлые, почти белые. Без бровей и ресниц — может быть, результат облучения, может быть, генетика. Он говорил тихо, спокойно. Но каждое слово резало, как нож.

— Вы запомнили его черты?

— Я запомнил его руки. Длинные пальцы, как у пианиста. Серебряное кольцо на мизинце — с печаткой. На печатке была волна.

Хадижа похолодела.

— Волна? Стилизованная?

— Да. Как будто воду нарисовали. Три линии, изогнутые. Я спросил у Станислава, что это значит. Он сказал: «Всё течёт, всё меняется».

— Гераклит, — прошептала Хадижа.

— Что? — не расслышал Громов.

— Ничего. Продолжайте.

Дом Громова стоял на окраине Энгельса, в частном секторе, среди таких же старых, покосившихся изб с палисадниками и железными гаражами. Двор зарос бурьяном, крыша покрылась мхом, но в окнах горел свет — жёлтый, тёплый, живой.

Внутри было чисто и бедно. Старая мебель — ещё пятидесятых годов, с плюшевыми подлокотниками и деревянными ножками. На стенах — фотографии: Громов в молодости, в форме, с орденами на груди. Громов с женой на Чёрном море. Громов с собакой — крупная немецкая овчарка, положившая голову ему на колени.

Джек лежал на половике у порога — старый, седой, с мутными глазами. Когда Громов вошёл, пёс приподнял голову, вильнул хвостом и снова уронил её на лапы.

— Проходите на кухню, — сказал Громов. — Чай будете?

— Спасибо, не откажусь.

Он поставил чайник, достал из шкафа две кружки — с трещинами, но чистые. На стол положил пачку печенья — «Юбилейное», в красной упаковке.

— Вы сказали, что программа 2118 — это штаммы оспы, устойчивые к вакцинации, — начала Хадижа, когда чайник закипел. — Расскажите подробнее.

Громов разлил чай, сел напротив.

— В 1988 году нам, войскам РХБЗ, поступило задание, — начал он. — Официально — разработка средств защиты от биологических угроз. Неофициально — создание биологического оружия нового поколения.

— Какое оружие?

— Оспа. Натуральная оспа. Вирус, который был официально уничтожен в восьмидесятых. Но образцы сохранились — в Новосибирске, в «Векторе». И в нескольких других местах, о которых не принято говорить.

— Вы использовали эти образцы?

— Нам предоставили штамм «Индра-3». Он был выведен в Индии в семидесятых и отличался высокой летальностью — до тридцати процентов. Наша задача была сделать его устойчивым к существующим вакцинам.

— Зачем?

— Затем, что если есть вакцина, оспа не страшна. А если вакцина не работает, оспа становится идеальным оружием. Её боятся. Её нельзя остановить. Она убивает медленно и мучительно.

— Вы разработали такой штамм?

Громов опустил глаза.

— Да. В 1990 году. Штамм «2118» — мы назвали его так в честь номера заказа. Он был устойчив к вакцине, которую применяли в СССР. И к той, что применяли в США.

— Что с ним стало?

— После развала Союза финансирование прекратилось. Лабораторию законсервировали. Образцы — по крайней мере, те, что были в открытом доступе — уничтожили. Но не все.

— Что значит «не все»?

— Станислав говорил мне, что в 2019 году, когда он уже был в отставке, к нему пришли люди. Представились новыми владельцами «Арзамаса-80» — частная организация, связанная с «Гераклитом». Они сказали, что штамм «2118» жив. Они восстановили его по старым записям и даже усовершенствовали.

— Усовершенствовали? Каким образом?

— Им нужен был носитель. Комары.

Громов встал, подошёл к книжному шкафу, достал с верхней полки старую папку — выцветшую, с потрёпанными краями. Вернулся, положил на стол.

— Здесь чертежи, — сказал он. — Те самые, что мы делали в конце восьмидесятых. Схема контейнера для переноски насекомых. Система подачи воздуха. Терморегуляция — чтобы комары не замерзли и не перегрелись. И триггер.

— Триггер? Тот самый, о котором говорил Петров в письме?

— Да. Споры грибка «белая плесень». Мы нашли его случайно — в одной из пещер в Крыму. Грибок вырабатывает споры, которые при контакте с хитиновым покровом комара выделяют вещество, активирующее вирус внутри насекомого.

— То есть комар не заразен, пока не коснётся спор?

— Именно. Заражённый вирусом, но неактивный комар — это безопасно. Его можно перевозить, хранить, даже использовать для учёбы. Но как только он садится на поверхность, покрытую спорами — или когда споры распыляют в воздухе, — вирус активируется. И комар становится смертельным на 72 часа.

— А если комар не сядет на споры?

— Тогда он умрёт естественной смертью через 30–40 дней. Вместе с вирусом внутри. Безопасно.

Хадижа записала. «Триггер — споры белой плесени. Активация при контакте с хитином комара. Контейнеры, вероятно, содержат и комаров, и споры. Или комаров — в одном контейнере, а споры распыляются отдельно».

— Где сейчас эти споры? — спросила она.

— Не знаю. Но знаю, что они уже в Казани. На стадионе. Станислав говорил мне перед смертью — он перехватил информацию через старых знакомых в ФСБ. Кто-то заказал доставку двух контейнеров на стадион под видом оборудования для системы вентиляции.

— Двух? А не четырёх, как на Hondius?

— Двух. Споры и комары. Активный и пассивный компоненты. Комбинированная доставка.

Хадижа закрыла блокнот.

— Виктор Сергеевич, вы знаете, кто заказчик?

Громов посмотрел на неё долгим взглядом. Его глаза — светлые, выцветшие — стали вдруг жёсткими.

— Знаю. Но если я скажу вам его имя, вы умрёте в течение суток. Как Станислав. Как те, кто пытался говорить раньше.

— Я готова рискнуть.

— А я — нет. Я слишком стар, чтобы брать на себя ответственность за вашу смерть. Но я дам вам то, что поможет вычислить его самостоятельно.

Он вытащил из папки лист бумаги — старый, пожелтевший, с машинописным текстом.

— Здесь список заказов на оборудование для Объекта 2118 за 1989-1991 годы. Все поставки шли из одной компании — «Интербио», зарегистрированной в Швейцарии. В те годы это было прикрытие для закупок западного оборудования через третьи страны.

— А сейчас?

— Сейчас эта компания называется «Helix Bio». Штаб-квартира в Цюрихе. Офшоры, подставные счета — всё, как вы любите. Но у «Helix Bio» есть один реальный владелец. Гражданин России. Бывший сотрудник того же отдела, где служил Петров. Уволен в 1995 году за "нецелевое использование бюджетных средств". С тех пор занимается частным бизнесом — инвестиции в фармацевтику, биотехнологии, венчурные фонды.

— Его имя?

Громов взял ручку и написал на салфетке. Четыре буквы. Потом сложил салфетку и протянул Хадиже.

— Откроете, когда будете в безопасном месте. Не раньше.

Хадижа взяла салфетку, не разворачивая. Спрятала во внутренний карман.

— Спасибо, Виктор Сергеевич.

— Не благодарите. Я делаю это не для вас. Для Станислава. Он не заслужил такой смерти — на кухне, в окружении таблеток и лжи.

Хадижа встала.

— Мне пора. У меня рейс через три часа.

— Я отвезу вас на вокзал.

— Не надо. Я возьму такси. Так безопаснее — для вас.

Громов кивнул. Проводил её до двери. На пороге остановился.

— Передайте полковнику Сиссе, — сказал он. — Я служил с его отцом в восьмидесятых, в Сенегале. Хороший был человек. Погиб, когда Ибрагим был ещё мальчиком.

— От чего?

— Автокатастрофа. Военный грузовик перевернулся на трассе. Я тогда не поверил в случайность. И сейчас не верю. Гераклит начал свою игру задолго до того, как мы узнали о нём.

Хадижа вышла во двор. Старый пёс Джек проводил её мутным взглядом, но даже не поднял головы.

Такси до вокзала поймала быстро — водитель, местный, с казацкими усами, не задавал лишних вопросов. Дорога заняла полчаса. Всё это время Хадижа сжимала в кармане сложенную салфетку, не решаясь развернуть.

В поезде, в купе, она закрыла дверь, достала салфетку.

Четыре буквы. Имя, которое Громов написал дрожащей рукой.

«Левин».

Хадижа достала телефон, набрала Киру.

— Кира, у меня есть имя. Владелец «Helix Bio». Бывший сотрудник Минобороны РФ, уволенный за хищения. Сейчас — частный инвестор. Его фамилия — Левин. Проверь по своим базам.

— Левин? — переспросила Кира. — Какой у него инициалы?

— Не знаю. Громов не сказал. Только фамилию.

— Проверю. Я сейчас в Казани. Мы нашли контейнеры на стадионе. Два. Один с комами, другой со спорами.

— Споры? Значит, то, о чём говорил Громов — правда.

— К сожалению. Сиссе и Глухарь готовят проникновение. Zee отключает камеры. Мы выходим завтра ночью.

— Я лечу к вам. Как только доберусь до аэропорта.

— Не надо. Ты нужна в Париже. Хадижа, ты единственная, кто может легализовать нашу информацию. Если мы погибнем в Казани, ты должна опубликовать всё — имена, документы, фотографии. Чтобы мир узнал.

Хадижа замолчала. Она знала, что Кира права. Но это не делало задачу легче.

— Хорошо, — сказала она. — Я остаюсь. Но будьте осторожны.

— Постарайся.

Кира отключилась.

Хадижа посмотрела в окно. За стеклом проплывали ночные поля — тёмные, бескрайние, как тайга. Где-то там, в Казани, её друзья готовились к смертельной миссии.

Она сжала салфетку с именем «Левин».

Это был не просто свидетель. Это был ключ.

ГЛАВА 4. «Ночной визит»

Москва, Котловка. Квартира Антонины Петровой. 23:47.

Ночь опустилась на город тяжело, как бетонная плита. Свет от уличных фонарей пробивался сквозь щели в шторах, рисуя на стенах полосы — жёлтые, дрожащие, как предчувствие беды. Ветер хлопал ставнями на первом этаже, гнал по асфальту прошлогоднюю листву, и в этом шорохе слышалось что-то живое, крадущееся, нечеловеческое.

Кира Соболева сидела на кухне, перед ней на столе громоздились папки с документами Петрова — те самые, которые они не успели забрать днём. Слишком много бумаг, слишком мало времени. Она фотографировала страницу за страницей, упаковывая информацию в цифру, чтобы потом, в безопасности, разобрать её на части — по датам, по именам, по географии.

Антонина Петрова спала в спальне — вернее, дремала, подремывала, потому что полноценного сна у неё не было уже третьи сутки. Сиссе сидел в прихожей, на старом табурете, прильнув спиной к стене, и слушал. Не музыку — тишину. Тишину подъезда, дома, улицы. Любой звук, выпадающий из общего шума, означал опасность.

Скрипнула лестница. Сиссе открыл глаза.

Он знал этот звук. Старые ступени, которые прогибаются под весом человека, — деформация дерева за десятилетия создала сотни микротрещин, и каждая из них издавала свой, уникальный звук при нагрузке. Сейчас кто-то поднимался на второй этаж. Не один — по крайней мере трое. Шаги были почти бесшумными — профессиональная походка, перекат с пятки на носок, минимум шума. Но Сиссе услышал.

Он поднял руку, показывая Кире: тихо, замри.

Кира выключила настольную лампу. Комната погрузилась в темноту — только свет фонарей пробивался через щели в шторах, оставляя бледные полосы на полу.

Шаги остановились у двери.

Кто-то возился с замком — короткие, уверенные движения. Не подбирал ключ — воровал отмычкой. Сиссе знал этот звук: металл скользит по металлу, пружины щёлкают одна за другой, и вот последняя поддаётся — замок открыт.

Дверь распахнулась.

Первый вошёл бесшумно — высокий, плечистый, в чёрной форме без знаков отличия. Ни погон, ни нашивок, ни флага. Однотонная ткань, впитывающая свет. Лицо скрыто балаклавой, только глаза — холодные, светлые, как у человека, который не сомневается в своей безнаказанности.

За ним — второй, такой же. За вторым — третий.

Без масок, без перчаток. У них не было оружия в руках, но Сиссе знал: оружие при них — пистолеты под мышкой, ножи на поясе, может быть, электрошокеры. И опыт.

Они не были полицией — полиция стучит громче, представляется, требует открыть дверь. Не ФСБ — те хотя бы кричат «ФСБ, работаем!» для протокола. Эти действовали, как профессионалы, которые не обязаны отчитываться ни перед кем.

Второй включил фонарик — узкий луч скользнул по стенам, по мебели, по полу. На секунду замер на пустом табурете в прихожей — там, где только что сидел Сиссе.

— Чисто, — сказал первый. Голос приглушённый, без акцента, без эмоций.

— Комнаты проверить? — спросил второй.

— Сначала бабку.

Они двинулись в спальню.

Сиссе не стал ждать.

Он выскользнул из прихожей за секунду до того, как луч фонаря прошёл по тому месту, где он стоял. Прямо за дверью, в маленьком закутке между шкафом и стеной, где вешали пальто. Здесь было тесно, темно, пахло нафталином и старой кожей.

Он прислушался.

Третий остался у входной двери — стоял на страже, держа руку под курткой, наготове. Двое пошли в спальню. Первый толкнул дверь — та открылась без скрипа, Сиссе сам смазал петли днём, после того как Кира уехала в аэропорт. Профессиональная привычка: всегда готовь пути отхода.

— Бабка, вставай, — голос первого, жёсткий, командный. — Вопросы есть, ответишь.

Антонина не вскрикнула. Сиссе услышал только шорох одеяла — старуха села на кровати, но не издала ни звука. Она была женой военного, генерала. Она знала, что такое враг.

— Документы где? — спросил второй. — Те, что муж прятал? Быстро.

— Не знаю я никаких документов, — голос Антонины — спокойный, даже равнодушный. Она не боялась. Или уже пережила всё, что могла пережить, и бояться было нечего.

— Врёшь, бабка. Фотографии мы видели — приходили сегодня двое. Африканец и баба с камерой. Кто они?

Сиссе похолодел. Они знали. У них было фото — с камер наблюдения, с телефона Суворова, с уличной камеры подъезда. Не важно. Они знали, что он был здесь. Значит, они знали, что он может быть здесь и сейчас.

— Не знаю никаких африканцев, — сказала Антонина. — Приходил слесарь, кран на кухне чинил. А женщина — соцработник, пенсию переоформляла.

— Врёшь, — повторил второй. — Слесарь был вчера. А сегодня — двое. Мы знаем.

Первый вздохнул. Сиссе услышал, как он достал пистолет — характерный щелчок снятия с предохранителя.

— Ты, бабка, не дура. Понимаешь, что к чему. Говори, где документы. И где те двое. И будешь жить.

— Вы меня убьёте в любом случае, — ответила Антонина. — Как мужа убили.

— Муж сам. Сердце.

— Нет у него сердца. У него — пуля.

Тишина. Секунда. Другая.

— Ладно, — сказал первый. — Сами найдём.

Сиссе действовал.

Он выскочил из закутка, бесшумно, как тень. Третий у двери не успел среагировать — Сиссе ударил его ребром ладони по кадыку, перехватил падающее тело, опустил на пол без звука. Быстро, чисто, почти не больно — противник потерял сознание на десять секунд, не больше.

Теперь — двое в спальне.

Они были в десяти метрах. Если напасть спереди — увидят. Если сбоку — успеют выстрелить. Сиссе двинулся вдоль стены, прижимаясь к обоям, ставя ноги так, чтобы не скрипнуть половицей. В прихожей пол был бетонный — сталинские дома строили на совесть, бетонная стяжка, сверху — паркет, который не скрипел, если ходить по диагонали.

Он зашёл со стороны двери в спальню, выглянул.

Первый стоял у окна, задвигал шторы, осматривал подоконник — искал тайник. Второй рылся в шкафу — выдвигал ящики, перебирал бельё, шарил под стопками простыней. Оба стояли спиной к двери.

Сиссе шагнул в комнату.

Беззвучно, как нож в масло.

Он ударил второго — в основание черепа, коротко, точно. Тот обмяк, не успев даже вскрикнуть. Первый обернулся на звук падающего тела, но Сиссе уже был рядом — схватил его за запястье, вывернул руку с пистолетом, надавил на болевую точку. Выстрела не случилось — палец не успел нажать на спусковой крючок.

— Тихо, — сказал Сиссе. — Будешь кричать — сломаю шею.

Первый замер. Дышал тяжело, но не сопротивлялся. Профессионал оценил профессионала: шансов нет.

— Кто вы? — спросил Сиссе.

— Ты знаешь, кто мы, — ответил первый. — Волна.

— Гераклит?

— Заказчик.

— Кто заказчик?

— Не скажу.

— Я не спрашиваю.

Сиссе усилил давление на руку. Хрустнул сустав — первый зашипел от боли, но не закричал.

— Имя, — повторил Сиссе.

— Чистильщик, — выдавил первый. — Только Чистильщик. Мы не знаем имён. Никто не знает.

Сиссе отпустил его руку. Первый отшатнулся, прижимая травмированное запястье к груди. Балаклава сползла, открывая часть лица — Сиссе увидел скулы, короткую стрижку, татуировку на шее: волна. Тот же символ, что на контейнерах с Hondius. Что на письме Гераклита. Что на папке Родригеса.

— Уходите, — сказал Сиссе. — Скажите Чистильщику: Петров говорил только с нами. Всё, что он знал, теперь у нас. Если вы придёте снова, мы перестанем быть вежливыми.

Первый кивнул. Поднял второго — тот уже приходил в себя, мотал головой, пытаясь сфокусировать взгляд. Третьего, у двери, подхватили под руки и вытащили в подъезд.

Шаги затихли.

Сиссе закрыл дверь, задвинул щеколду — ту самую, которую не тронули убийцы в день смерти генерала.

— Мы должны уходить, — сказал он. — Они вернутся. С подкреплением.

Антонина сидела на кровати, прямая, как струна, и смотрела в стену. Руки её лежали на коленях — спокойные, не дрожащие.

— Я готова, — сказала она.

— Берите только самое необходимое, — ответил Сиссе. — Паспорт, деньги, лекарства. Остальное оставляем.

— Всё, что нужно, уже со мной, — она поднялась, опираясь на трость. В её глазах не было страха. Только усталость. И решимость.

В прихожей Кира уже собирала документы — самые важные папки, те, что не успела отфотографировать. Флешки, ноутбук, спутниковый телефон — в рюкзаке.

— Чёрный ход? — спросила она.

— Через кухню, — Сиссе кивнул в сторону окна на лестничную клетку. Там, за железной дверью, находился мусоропровод — заваренный ещё в девяностых, но проход к нему был свободен. Дальше — общий балкон на втором этаже, с которого можно было спуститься по пожарной лестнице во двор.

— Уходим, — сказал он.

Они спустились во двор за три минуты. Сиссе шёл первым, проверяя углы — никого. Кира поддерживала Антонину, которая, несмотря на возраст и трость, двигалась быстро — адреналин делал своё дело.

Машина стояла за углом — старая «Волга», которую Сиссе не угнал, а нанял через Лёху, с подставными номерами и чистыми документами. Он завёл двигатель, выехал со двора, свернул на Нахимовский проспект.

Сзади — ни слежки. По крайней мере, видимой.

— Куда мы едем? — спросила Кира.

— В безопасное место, — ответил Сиссе. — У Лёхи есть квартира в Москве. Не на него, на подставную фирму. Там нас не найдут.

— А если найдут?

— Тогда будем искать другое.

Антонина Петрова молчала. Она смотрела в окно на уходящий район, где прожила сорок лет, где вырастила дочь, где похоронила мужа. Она ничего не сказала. Только перекрестилась, когда «Волга» свернула на МКАД.

Квартира Лёхи находилась в районе Раменки, в новостройке бизнес-класса — высокая башня со стеклянным фасадом, подземным паркингом и консьержем в вестибюле. Сиссе въехал в гараж по электронному ключу — Лёха передал его через курьера ещё до того, как Кира прилетела в Москву.

В лифте было тихо. Антонина держалась за поручень, Кира сжимала рюкзак, Сиссе смотрел на цифры этажей.

Шестнадцатый. Дверь направо.

Квартира оказалась просторной — три комнаты, дизайнерский ремонт, панорамные окна. На стенах — репродукции картин, которые Кира не узнала. На полках — книги на английском, русском, французском. Ничего личного. Лёха не хранил вещи в этой квартире — она была запасным аэродромом.

— Располагайтесь, — сказал Сиссе. — Водой, едой, аптечкой всё укомплектовано. Ноутбук, доступ в интернет — через защищённую сеть.

Антонина прошла в спальню, опустилась на край кровати.

— Я не буду вам мешать, — сказала она. — Делайте, что должны. Меня не трогайте.

Кира хотела что-то сказать, но Сиссе покачал головой.

— Она сильная, — сказал он, когда дверь спальни закрылась. — Сильнее нас всех.

Они сели за кухонный стол — стеклянный, прозрачный, с ноутбуками и разложенными папками.

— Что у нас есть? — спросил Сиссе.

— Документы Петрова, — ответила Кира. — Письмо, карты бункера, фотографии. И показания Громова — Хадижа прислала расшифровку.

— Имя — Левин?

— Пока только фамилия. Но Zee уже пробивает.

Кира открыла ноутбук, зашла в защищённый чат. Сообщение от Zee пришло пять минут назад.

«Левин. Михаил Борисович. 1958 года рождения. В 1982–1995 — сотрудник Минобороны СССР, затем РФ. Уволен по статье "нецелевое использование средств". В 1996 году эмигрировал в Швейцарию. Владелец "Helix Bio". Местонахождение — неизвестно. Дома в Цюрихе, Лондоне, Дубае. Банковские счета — по всему миру. Я продолжаю копать».

— Михаил Левин, — прочитал Сиссе. — Тот самый «Чистильщик»?

— Не знаю. Может быть, одно из имён.

Кира посмотрела на часы — 2:15 ночи. До матча в Казани оставалось 34 часа.

— Мы должны лететь завтра утром, — сказала она.

— Антонина?

— Останется здесь. На неё никто не выйдет — адрес не светился.

— Ты уверена?

— Нет. Но другого выхода нет.

За окнами шумела Москва — бесконечная, равнодушная, вечная. Машины шуршали по МКАД, где-то вдалеке выла сирена, самолёты тянули в ночном небе, снижаясь к Домодедово и Внуково.

Кира смотрела на свои руки — они ещё дрожали после пережитого. Не от страха — от напряжения. Адреналин выветрился, оставив пустоту.

— Сиссе, — позвала она.

— Да.

— Тот человек. У него на шее была волна. Татуировка.

— Я видел.

— Это значит, что они не просто наёмники. Они верят в то, что делают.

— Или им заплатили, и они решили отметить свою принадлежность.

— Будем надеяться, что второе.

Сиссе встал, подошёл к окну. Снаружи горели огни — миллионы окон, миллионы жизней, которые не знали, что через полтора дня 40 000 человек на стадионе в Казани могут умереть. Или не умереть — если команда «Сигнал» успеет.

Он достал спутниковый телефон, набрал номер Глухаря.

— Слушаю, — голос Глухаря — сонный, но настроженный.

— У нас были гости. В квартире Петрова.

— Потери?

— Нет. Ушли через чёрный ход.

— Суворов?

— Не видел. Но его люди работали. Чисто.

Глухарь помолчал.

— Я в Казани, — сказал он. — Нашёл стадион. Контейнеры под южной трибуной. Охрана — местная, но среди них есть один, кто смотрит не в поле, а в подтрибунку.

— Сабиров?

— Да. Ильдар Сабиров. Директор по безопасности. Он нас видеть не должен — он в списке Ковалёва.

— Что ты предлагаешь?

— Маскироваться под персонал. Кира и я — техники. Ты — помощник. Вход через служебный тоннель, Zee отключает камеры.

— А Сабиров?

— Сабиров — моя забота.

Сиссе убрал телефон.

— Глухарь в Казани, — сказал он Кире. — Контейнеры на месте. Охрана — человек Ковалёва.

— Сабиров?

— Да. Тот самый.

Кира закрыла ноутбук.

— Завтра в Казань, — сказала она. — С рассветом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.